
ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**ЛЕВАЯ РУКА
АНГЕЛА**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Левая рука ангела / Валерий Шарапов. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с. — (Майор Шип. Принципы чеки-
ста Ивана Шипова).

ISBN 978-5-04-229655-0

Июль 1951-го. На берегу Яузы лысый мужчина развязывает мешок. На землю падает отрезанная кисть левой руки. Через секунду он вгоняет отвертку себе в шею. Объяснений не будет.

Осень 1952-го. Дождь, слякоть, дачный дом на окраине. Убит высокопоставленный инженер из оборонной отрасли. Лицо изломано. Левая кисть исчезла...

В город возвращается имя, которое старались не произносить вслух: Ручечник.

Кошмар, царящий на улицах города, выводит из затянувшейся депрессии опального следователя майора Ивана Шипова. Вместе с помощниками — капитаном Китаевым и психологом Заботкиным — он принимается за дело и вскоре находит странную тетрадь в кожаном переплете, когда-то принадлежавшую лагерному врачу-садисту.

Свидетели молчат. Подозреваемые исчезают. Улики ведут в тупик. А убийства продолжаются. И чем ближе Шипов подбирается к истине, тем все настойчивее перед ним встает вопрос: что, если эта тетрадь — не улика? Что, если это методичка? И кто-то сегодня работает по ней?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229655-0

© Шарапов В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Жара в последние два дня обрушилась на столицу небывалая — даже старожилы не припомнят такой. В этот день, 13 июля 1951 года, ртутный столбик лихо устремился вверх и уверенно преодолел отметку в тридцать градусов.

Капитан Китаев судорожно вздохнул, пытаясь восстановить дыхание и вернуть бешено стучащее, стремящееся выпрыгнуть из груди сердце в положенные ему границы. Дышать было тяжело. Пот ел глаза и будто распирал тело изнутри.

Но стоящему напротив него человеку было куда хуже. Пот не просто струился по его лысине, а тек ручьями. Было в этом что-то противоестественное. Как и выражение лица, где дисгармонично сошлись полное равнодушие с какой-то жгучей потаенной страстью, радостная эйфория — с кипящей злобой.

— Мешок на землю, руки за голову. — Китаев, которого вся причастная к темной стороне бытия Москва знала как стального опера Московского уголовного розыска по прозвищу Дядя Степа, выразительно взмахнул потертым и надежным, как молоток, пистолетом «ТТ».

Лысый посмотрел на него с радушной добротой и произнес:

— Не-е-ет, не отдам. Не твое...

— Слышь, клоун бродячий, я церемониться не буду. Сейчас прострелю тебе ноги, а до отделения милиции тебя санитары донесут!.. Ну, бросай!

Рот лысого растянулся в улыбке — еще более широкой, хотя куда уж шире — и так как у Буратино, увидевшего папу Карло с луковицей и пятью сольдо.

— Ты злой. Ты черный, как сам черт, — забормотал он невнятно, отступив еще на шаг к кустам, за которыми был небольшой обрыв, уходящий в медленно текущие воды Яузы. — Я добрый. Я рука добра. А зло... Зло не должно иметь руки.

Что это с ним? Псих? Несомненно. Но в голову Китаева пришло более точное слово — одержимый!

Лысому на вид было лет сорок — высокий, поджарый, в белой рубашке навыпуск и парусиновых штанах, в сандалиях — в целом совсем обычный, ничем не примечательный. Вот только рубашка его была в крови. При этом в крови чужой.

Не обращая внимания на угрозы, будто делая какую-то монотонную, но ответственную работу, лысый развязал веревку на холщовом мешке, встряхнул его. И из мешка выпало нечто.

Китаев содрогнулся, разглядев, что это. На земле лежала отрезанная кисть человеческой руки.

По коже пополз мороз. Капитан на миг отвлекся. И пропустил тот момент, когда в руке лысого оказалась отвертка — а это не только рабочий инструмент, но и острое, которое отлично входит в человеческое тело.

Китаев прикинул, что противник сейчас бросится на него в атаку. Их разделяло каких-то три метра. Нет,

ЛЕВАЯ РУКА АНГЕЛА

не успеет допрыгнуть — пуля быстрее. И с такого расстояния не промахнешься. Вот только этот человек нужен ему живым, чтобы ответить на накопившиеся вопросы по нескольким нераскрытым делам.

Но лысый не стал бросаться на оперативника. Он имел другие планы.

— Ты злой! Тебе воздастся... И мне воздастся!..

После этого сжал крепче рукоятку отвертки. Для верности положив поверх вторую ладонь.

Довольно крякнул. И вогнал с видимым удовольствием острие отвертки себе в шею...

ГЛАВА 2

За окном моей квартиры, грустно опустевшей без бросившей меня жены и уехавшей с ней дочери, безраздельно властвовал дождливый и холодный конец сентября 1952 года. Только что была теплая хорошая погода, и в один день пришел промозглый холод. Небесные хляби отворялись то больше, то меньше — от мелкого моросящего дождя до ливня. Влага превращалась в грязь, распутицу и слякоть.

Слякоть — она выросла до космических масштабов, потеснив все вокруг. Слякоть в душе. Слякоть на улице. На работе. Черт ее возьми! Хотя чертей нет, значит, и взять некому. Придется самому плыть в этой слякоти, в одиночку. Точнее, уже не в одиночку, а в компании со старым приятелем.

— Ты домучаешь, наконец, эту рюмку? — нетерпеливо поинтересовался Заботкин. — А то мне даже неудобно.

Я скривился и пригубил грузинский коньяк какой-то сильно длительной выдержки под названием «Вардзия».

— Майор Шипов, ты мне совсем не нравишься. Ты смотришь в рюмку, но не можешь в нее нырнуть. Это

плохой признак, — заботливо посмотрел на меня Заботкин.

— Никогда не нырял в рюмку для поднятия тонуса, — огрызнулся я.

— В том твоя и беда. Когда из Европы в Россию завезли водку, она продавалась как лекарство. И знаешь, не зря.

— Ох, да ладно, — я плеснул ему еще коньяку, чтобы занять хоть чем-то и увести от любимого занятия — описания всяких психологических нарушений человеческого сознания и способов борьбы с оными.

Но гость, неожиданно отодвинув рюмку, внимательно посмотрел на меня:

— И давно тоскуешь?

— С детства.

— Не дурачься, Иван.

— Да какой тоскую? Ну, настроение пасмурное, как и погода.

— И служба. Сослан за героический подвиг с глаз долой. И теперь весь мир не мил. Правильно?

Я лишь кивнул. Да уж, за такой результат, как по последней моей разработке, ордена дают, а не обещают на Колыму сослать. Но Заботкину-то откуда про все это знать?

— В общем, аппетита нет. Ничего не хочется. Подавленное состояние и тьма вокруг. Так? — профессионально четко и точно, как и положено психологу, перечислил Заботкин.

— Да ладно щеки надувать, — бросил я как можно небрежнее. — Я тебя пригласил, чтобы потрепаться

ни о чем и выпить отличного коньяка без повода. А ты тут из себя доктора Айболита строишь?

— Айболит был ветеринар, — улыбнулся Заботкин так широко и искренне, как умеют только матерые и циничные психологи.

Хуже всего, что он кругом был прав. Подавленное состояние. Мрак вокруг. А еще был страх. И больше всего меня пугало само минорное состояние. В моей жизни бывали времена куда хуже, опаснее и беспросветнее. И грязь, и кровь, и смерть в затылок дышали. И никогда я не опускался в зеленую тоску. А сейчас как накрыло. И это было постыдно. Но поделаться с собой ничего не мог — окружающее давило меня, гнуло.

— Ты прям отражение своей фамилии, Никита. Все не спишь, о чужих душах заботишься, которые, кстати, потемки, — насмешливо произнес я.

— Господи, тоже мне, уравнение Планка. У тебя переутомление. Переживания от служебных и семейных невзгод. Возрастная переоценка ценностей и пересмотр кумиров. Расшатанные ориентиры. Почитай учебники — классическая и примитивная психогенная депрессия.

— Ох ты ж слов набрался.

— Учиться, учиться и учиться, как завещали классики марксизма-ленинизма... Хочу тебя сразу успокоить. От нее если не застрелишься, а это вряд ли, то переживешь. Усилим воли.

— Таблеточки выпишешь?

— Зачем? Отдых. Хорошие книги, театр и свежий воздух. И музыка. Лучше классическая.

Я захохотал — саркастически и недобро.

— Но это так, общий совет. У каждого свое расслабление, — мой гость не обратил внимания на сгущающиеся в воздухе недоверие и сарказм с моей стороны. — Главное — смотри на мир с интересом.

— Пока что мир с интересом смотрит на меня. С хищническим.

— О, как мрачно. Я же говорю — психогенная депрессия. — Заботкин с видимым удовольствием опрокинул рюмашечку и тут же, поставив ее на стол, пододвинул ко мне ближе. — Ну ты наливай, чего мнешься, как неродной?

Я уже понял, что одной бутылкой не обойдешься. С моим приятелем всегда так. Правда, догоняться придется коньячком похуже. Завалилась у меня бутылочка армянского трехзвездочника.

С Заботкиным в первый раз я столкнулся еще во время службы на Украине. Он преподавал в университете и вышел на нас с программой психологической реабилитации жертв террора бандеровцев, а также по работе с самими бандеровцами. Тогда нам было не до психологических реабилитаций — время суровое, переживания и всякие тонкие душевные моменты воспринимались как блажь, а если кто руки на себя наложит — так туда ему и дорога. Борьба с внутренним и внешним врагом, восстановление народного хозяйства не терпели нытиков и слабаков. Но хотя и не срослось такое обширное взаимодействие по службе, у нас тогда сложились вполне приятельские отношения. Заботкин был умен, весел, легок в общении. И всегда был готов прийти на помощь и дать ценный совет. Действительно ценный — пару раз его психологические трюки,

к моему удивлению, сильно помогли в разоблачении агентуры бандподполья и в работе с задержанными бандитами.

Через год после перевода в Москву я неожиданно вновь столкнулся с ним. Он заматерел, защитил кандидатскую диссертацию и трудился в столичной лаборатории практической психологии — есть такая хитрая организация под покровительством МГБ и частично Министерства обороны. Пришлось ей поработать и на ядерный проект, когда возникла необходимость в подборе психически устойчивых людей, готовых в любой ситуации сбросить ядерную бомбу и одним движением руки убить десятки тысяч человек.

Я все же заставил себя опрокинуть рюмку. Ну, не люблю я спиртное. Оно размывает концентрацию внимания, и тогда тебя легко застать врасплох. С партизанских времен у меня дикий страх, что застанут врасплох — когда даже не успеешь подорвать специально подготовленную на такой случай гранату. И тогда ад на Земле — пытки в застенках гестапо или в схронах бандеровцев.

— А чего ты обо мне так внезапно вспомнил? — спросил я с подозрением. — Больше не с кем выходной провести?

Действительно, Заботкин завалился воскресным утром неожиданно и, как всегда, бесцеремонно, без приглашения. В таких случаях на все упреки, что у людей в выходной могут быть свои дела, он, наивно хлопая глазами, отвечал: ну тогда просто выставь меня за дверь, я же с пониманием. Вот такие у нас экспериментальные психологи. Однажды я его действительно

выставил за дверь. Он воспринял это как должное и через неделю появился вновь, уже поздним вечером.

— Радость человеческого общения, Ваня, — беззаботно отозвался он.

Да черта с два. Поскольку он был с закуской, но без бутылки, следовал вывод — намеревался опустошить мои запасы. Ведь знал наверняка, что эти запасы у меня образовались. Откуда? Кстати, эту самую бутылку «Вардзии» мне вручил начальник после реализации дела по террористической группе.

Забарабанил дождь, припустивший с новой силой и размывающий очертания домов, редких прохожих. Вот такое воскресенье.

Выходной. Да, на новом месте работы теперь у меня есть выходной. Потому как работа терпит. В бытность мою в Проекте такими подарками не радовали.

— Так вот, друг мой, скажу я тебе — будущее за психологами, — быстренько сменил тему Заботкин. — Без нас коммунизм не построишь. Только тщательная работа психолога позволит человеку быть счастливым и...

Он сел на любимого конька, расшатываясь своими невеликими, даже хилыми, шестьдесятю килограммами живого веса на венском стуле так активно, что я опасался — вот загремит он сейчас со всей дури на пол. Откачивай потом его и отпайвай.

Неожиданно — дзинь, бах — как будто пулемет протарахтел.

Но неоткуда взяться пулеметным очередям в пришедшей в себя после войны с последующими бандитизмом и разрухой столице СССР. Это не пулемет. Это всего лишь телефон, где умельцы установили такой

звонок, что он паралитика с койки поднимет. В последнее время он не часто звенел, особенно по выходным.

Сердце ухнуло в остром предчувствии событий, сжалось от страха перемен. И тут же радостно забилось в их предвкушении.

Как я и ожидал, в трубке звучал как всегда ернический и укоризненный голос полковника Белякова:

— Отдыхаешь? Все, Ваня, увеселения выходного дня закончены. Работать пора.

— Что случилось? — напряженно спросил я.

— На своей даче убит ответственный работник Министерства оборонной промышленности Хазаров.

— Хазаров? — переспросил я.

— Антон Альбертович Хазаров, орденносец, полковник запаса и заслуженный работник отрасли. Через полчаса за тобой заедут товарищи из Московского угрозыска. С ними отправляйся на место происшествия. Утром доложишь.

— Понял. Выезжаю на место убийства.

— Только с головой в омут не бросайся. Угрозыск не подменяй — это их работа. Но в суть вникни — есть ли там следы наших классовых и зарубежных недругов.

Я повесил трубку. И поймал на себе тяжелый взгляд Заботкина.

— Что смотришь, как солдат на вошь?

— Кого там убили? — глухо спросил психолог, отлично слышавший мой разговор.

— Да какой-то Хазаров. Из Министерства оборонной промышленности. А тебе зачем?

ЛЕВАЯ РУКА АНГЕЛА

— Антон Альбертович?

— Да.

— Хазаров. — Заботкин в сердцах двинул ладонью по столу, так что рюмка упала, расплескав остатки дорогого коньяка. — Вот же невзгода!

— Знаешь его?

— Это командир моего полка. Встречался с ним и после войны. Золотой человек... Иван, я с тобой!

— С какой сырости?

— Ну так что могу, поясню. Опознаю... Да и вообще... Эх, Антон Альбертович, как же ты не уберегся...

Я задумался лишь на миг. Потом махнул рукой:

— Поехали. Если в машину влезешь.

— Не влзу, так за ней побегу...

А дождь за окном барабанил все сильнее...

ГЛАВА 3

Капитан Китаев, он же Дядя Степа, — мой надежный боевой товарищ по многим опасным для жизни расследованиям. Невысокий худощавый балагур, острослов, вечно полный энергии, сегодня он был какой-то смурной. Стоял, подпирая спиной черную «эмку», и ждал меня, выразительно поглядывая на наручные часы. При этом вообще не обращал внимания на хлещущий дождь, стекающий по его водонепроницаемому плащу и фетровой шляпе.

— Чего не весел? — спросил я, протягивая руку.

— Да какое тут к едреной бабушке веселье! — с готовностью взорвался Дядя Степа. — Все будто взбесились. Погода, народ! Жмурик за жмуриком. То поножовщина! То бытовуха! То уголовные толковища! А тут еще этот твой высокопоставленный труп.

— Чего это он мой?

— Где большие начальники — там и контрразведка. Скажи, не так!

— Ладно бурчать. Поехали. — Я кивнул в сторону Заботкина. — Этот товарищ с нами. Он хорошо знал убитого. Заодно и опознает.

Дядя Степа с сомнением посмотрел на психолога. Потом махнул рукой:

— Да давай уж в салон! Тут в водяного с вами превратишься!

Мы втиснулись в узкую в плечах «эмку». Дядя Степа перед тем, как усесться на переднее сиденье рядом с водителем, снял шляпу и стряхнул с нее воду — набралось ее там немало. Еще недавно он таскал исключительно длинную матерчатую куртку и блатную кепку, внешне сливаясь со своим беспокойным уголовным контингентом до полной органичности. И вот теперь плащ с фетровой шляпой. Наверное, в начальники метит.

Машин на улицах в воскресенье почти не было. Грузовики сплошным потоком начнут завтра ранним утром свое неумолимое и рассчитанное, как часы, движение, снабжая гигантский город продовольствием, товарами, сырьем — в общем, всем. Черные лимузины пока еще стоят в гаражах и терпеливо ждут своих хозяев, которых надо будет развозить по конторам и министерствам. Сегодня же выходной. Притом мутный, мокрый, будто вопящий — сидите дома, отдыхайте и не высовывайтесь.

Ехать нам пришлось на окраину Москвы, где наползающий многоэтажный город вступил в обреченную на победу схватку с окрестными деревеньками и частными строениями. Возводились семи-восьмиэтажные жилые дома, из стороны в сторону водили своими длинными клювами гигантские подъемные краны — стройке любое, даже самое мокрое, воскресенье нипочем.

Усатый и хмурый водитель «эмки» пару раз заехал не туда. Выmaterился с чувством. Затормозил. Вытащил карту. Сверился, старательно водя по ней паль-